

РОЗВИТОК РИНКОВОЇ ЕКОНОМІКИ В УКРАЇНІ: ПІДПРИЄМНИЦТВО І МАРКЕТИНГ

УДК 338.24

*В. С. НАЙДЕНОВ, д-р экон. наук, проф., помічник-консультант народного депутата
(Верховная Рада України, г. Киев)*

МОНЕТАРИЗМ В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИКОЙ

Наукові праці МАУП, 2003, вип. 8, с. 7–13

Почему “рыночные” реформы в России и Украине привели к катастрофическим результатам, ввергнув эти развитые страны в нищету и сделав сомнительной саму возможность восстановления их места в цивилизованном обществе? Основной причиной этого разрушения явился стремительный развал рынков бывшего Советского Союза и СЭВ. Однако замедленная структурная перестройка, затяжная инфляция, неспособность восстановить и компенсировать разрушенное во многом объясняются неправильной экономической политикой, ложной концепцией этой политики.

В самом деле, что нужно делать, если главной проблемой экономики стало отсутствие рынка сбыта? Очевидно, восстанавливать старые рыночные связи и организовывать новые, стимулировать экспорт, поддерживать предприятия, способные производить пользующуюся спросом продукцию, тормозить снижение платежеспособности населения и предприятий, повысить спрос на продукцию отечественного производства, временно ограничив импорт. При полном отсутствии инст-

рументов залога, гарантий, банкротства неплатежеспособных предприятий требовалось усилить контроль над ценами многочисленных монополистов, денежными потоками, выдачей и целевым использованием кредитов. Необходимо было на время сохранить оптово-распределительную инфраструктуру, неконвертируемость национальной валюты, сберечь банковский контроль и контроль над банками (с учетом того, что они часто и сами оказывались не меньшими монополистами, нежели их крупные корпоративные клиенты). По мере снижения инфляции и формирования нового рынка заменять государственную инфраструктуру на рыночную, приватизировать и обанкрочивать неперспективные предприятия, выяснив, однако, кто действительный банкрот, вместо того чтобы втянуть в повальное банкротство всех. Либерализовать валютные рынки и внешнюю торговлю следовало постепенно только после формирования внутреннего рынка, положительного торгового баланса и накопления достаточного объема международных резервов.

Рыночные экстремисты представляют путь постепенной трансформации неэффективным. Но это идеологическая ложь. Постепенную трансформацию осуществляла Корея, по этому пути идет Китай и некоторые другие государства. Южная Корея, пока набирало сил собственное производство и формировался внутренний рынок, проводила протекционистскую политику, не конвертировала валюту, открывалась постепенно. Накапливает экономическую мощь в “закрытом” режиме Китай. Как известно, уровень жизни в Китае хотя и медленно, но неуклонно повышается, а экономический рост рекордный (10 % годовых!). Китай постепенно превращается в мировую державу. В начале 90-х годов XX в. его валовой внутренний продукт (ВВП) был в 1,6 раза меньше, чем в России. К концу же 90-х годов ВВП Китая превысил объемы производства России в 2,5 раза (по паритету покупательной способности — в 4,4 раза). Как заметил Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, сложно придумать более наглядный пример “результативности” экономических экспериментов на постсоветском пространстве. Не позволило развить экономику, поддерживает ее функционирование и уровень жизни населения руководство Беларуси. В этой стране ВВП в долларах на человека и реальные доходы населения в 2 раза выше, чем в Украине, предприятия работают, отмечается повышение ВВП начиная с 1996 г. Проблемы, конечно же, существуют и здесь, но по остроте их не сравнить с нашими.

В чем причина такого различия? В том, что российское и украинское правительства выбрали ложную теоретическую концепцию экономического развития. Последняя базировалась не на реалиях современного мира, а в основном на понятиях, почерпнутых из учебников. Упрощенные представления о рынке легко укладывались — при вульгарном прочтении — в модель, обобщенно (и несколько условно) именуемую монетаризмом. Последняя является развитием классического направления в экономической теории, истоки которого уходят в XVIII в. Поскольку монетаризм имеет определенную внутреннюю логику, он легко овладевает воображением не грамотных и не опытных в таких вопросах людей. При невнимательном прочтении правила монетаризма подкупающе просты: хочешь перейти к рыночной экономике — не регулируй цены, нужно погасить инфляцию — уменьши количество денег и т. п. Все это к тому же облекается в форму математических алгоритмов, которыми так лестно манипулировать.

При добавке денежных “субсидий” и карьерно-политической поддержки относительно легко вер-

бовались активисты и “агенты влияния”, которые внедрялись в обновляемые правительственные структуры. Далее страны подталкивались “на иглу” внешних займов, по которым им диктовались не всегда выгодные условия. Под шум псевдодемократических “рухов” в Украине создавалась видимость рыночных реформ. Но на самом же деле шло разрушение, криминализация и закабаление экономики. Ломка индустриальной плаповой экономики с высоким уровнем социальной защиты породила хаос. Современная капиталистическая экономика с ее сложными механизмами регулирования, в том числе государственного, не может возникнуть только из разрушения, без конструктивной стратегии. Но конструктивная стратегия не может возникнуть на базе примитивного прочтения одной экономической модели, суеверия, что если будут свободными цены, внешняя торговля и конвертируемая валюта, то это автоматически создаст современный капитализм с высокими хозяйственной и инновационной инициативой, эффективностью и уровнем потребления.

Дело в том, что монетаризм как теоретическая концепция неприложим к реальным социально-экономическим условиям многих стран, в частности с переходной экономикой. Монетаризм — это направление в экономической теории, согласно которому динамика национального продукта и цен определяется изменением количества денег. Он считает возможным регулирование экономики главным образом с помощью изменения количества денег в обращении, поскольку не выходит за рамки идеальной модели рынка совершенной конкуренции. Основные теоретические предпосылки этой модели таковы:

- совершенная конкуренция на всех рынках, в том числе на внешних, множество конкурирующих производителей во всех секторах, способных мгновенно удовлетворять любые вкусы потребителей;
- свободное перемещение товаров и капиталов внутри страны и через ее границы, а также рабочей силы в пределах границ;
- свободные цены, определяемые только соотношением спроса и предложения на рынке;
- количество денег в обращении уравнивает сумму цен товаров, поэтому чем больше денег, тем выше цены (отсюда вульгарные рецепты преодоления инфляции путем сокращения количества денег);
- наивысшей ценностью (святая святых!) для монетаризма является устойчивая денежная единица (бесспорно, это ценность, но опять же не

абсолютная, при некоторых условиях ею приходится жертвовать).

Все эти положения отображают представления об идеальном рынке, где все экономические факторы свободно передвигаются, все равны и конкурируют между собой, присутствует полная занятость, а равновесие и процветание обеспечиваются стихийно автоматически, без вмешательства государства. В лучшем случае все эти предпосылки очень приближенно соответствуют складывающимся условиям западноевропейских стран середины — конца XIX в., и то далеко не полностью. Сегодня государства применяют внешнеторговые ограничения (импорт текстильной или металлургической продукции), предоставляют субсидии и льготы некоторым видам деятельности (сельское хозяйство), на международных рынках возникают таможенные войны (банановые, автомобильные, нефтяные), система международной торговли и движения капиталов регулируется политически с применением военной силы и т. д. Ни о каком равенстве партнеров на мировых рынках не может быть и речи. Отклонений от идеальной схемы чересчур много даже при поверхностном анализе современной мирохозяйственной системы.

Но еще больше несоответствий идеальной теории в экономиках переходных и развивающихся стран. Может ли рабочий или инженер, потерявший работу в Снежном или Торезе, свободно переехать в любой город, где ему могли бы предложить работу? Не может, потому что социально-бытовая инфраструктура не развита, переезд и покупка жилья для них баснословно дороги. Можно ли предоставить полную свободу ввоза импортных товаров, не “задавив” этим отечественные предприятия? Нельзя, если мы не хотим безработицы и голодного вымирания населения. И подобных ограничений немало. Это означает, что идеальную схему без корректировок, без постепенности и учета конкретных обстоятельств применять нельзя. Иначе — беда, которая и обрушилась на народы Украины и России.

Разве можно было отпускать цены, когда производство многих товаров было высоко концентрировано (а значит, монополизировано) и почти никакой конкуренции не существовало? Да еще и в условиях кризиса сбыта! Предприятия стали покрывать возрастающие издержки ценами.

Если основная проблема — трудности сбыта, можно ли ее решить посредством ужесточения монетарной политики? Подобная однобокость лишила даже потенциально прибыльные предприятия оборотных средств, а работников оставила без зарплаты. Кто же будет покупать товары? Да еще при

открытых воротах для импорта, на который и переключился остаток платежеспособности! Наивный неолиберализм уверяет, что это необходимо для борьбы с инфляцией. Но ведь инфляция возникла не только потому, что на товары предъявлялся эмиссионный спрос, который нужно сократить, ограничив денежное предложение. Товары дорожали главным образом потому, что производство сокращалось и повышалась их себестоимость. Сокращение и удорожание реальных кредитов не было поддержано антимонопольным регулированием, платежной дисциплиной и гибким перераспределением ресурсов. Вследствие этого усиливались разруха и инфляция. Наплыв импортных товаров “добивал” производство.

Разве можно было отказываться от регулирования цен предприятий-монополистов и основных товарных и денежных потоков, ликвидировать банковский контроль и оптово-снабженческую инфраструктуру в условиях распада рынков и стихии инфляции? На этом раздулось паразитическое посредничество, откачивающее доходы у производителей, возникла гигантская теневая высококриминализованная экономика, образовался хронический дефицит денег в легальной экономике.

Одна из наиболее известных догм невнимательного прочтения монетаризма — инфляция зависит только от увеличения количества денег в обращении. Статистика подтверждает наличие корреляционной связи между увеличением массы денег и увеличением цен. Но это не доказывает, что рост цен зависит исключительно от увеличения количества денег. На рынках с несовершенной конкуренцией цены очень часто растут по другим причинам. (А вот об их-то регулировании, вопреки действительным рекомендациям монетаризма, в Украине вспоминают весьма неохотно.) Но более высокие цены товаров требуют большего количества денег для их обращения. Так что сплошь да рядом наблюдается обратная зависимость. Примером может служить динамика цен в США в 70–80-е годы (рис. 1).

Из рис. 1 видно, как взлетали цены в 1973 и 1978 г. вне всякой связи с количеством денег. Последнее вынуждено было увеличиваться вслед за повышением цен. А причиной роста цен послужили нефтяные кризисы. Рассматривая подобные графики за годы инфляции в Украине, невозможно определенно сказать, цены зависят от количества денег или наоборот. В Украине преобладающей причиной роста цен был упадок производства из-за развала рынка СССР и кризиса сбыта. Исходной формой инфляции была инфляция издержек. Поэтому очень часто увеличение количе-

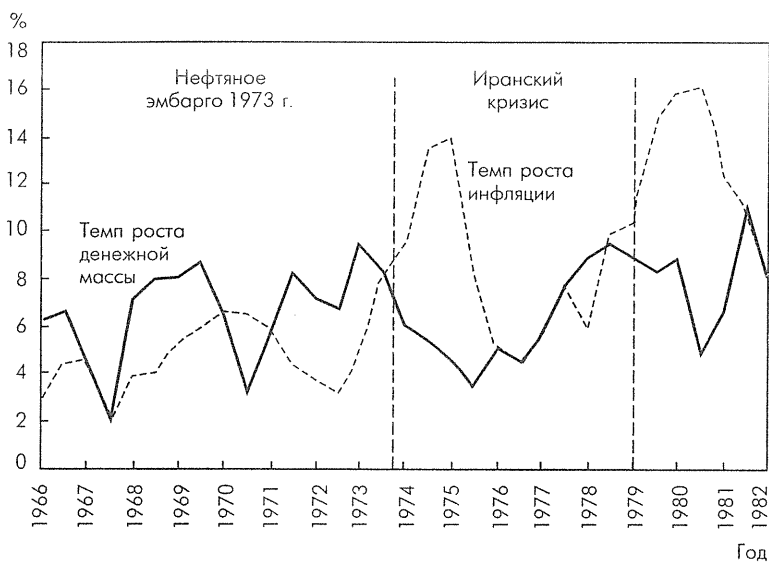

Рис. 1. Темпы роста денежной массы и инфляции в США [4, 12]

ства денег было вынужденным следствием, а не причиной.

Анализ теоретической основы монетаризма — уравнения обмена $TP = VM$ (где T — физический объем товаров; P — средний уровень цен; M — количество денег; V — количество оборотов денег) — показывает его неприемлемость для прогнозирования инфляции. Прежде всего неясно, какими показателями следует пользоваться для построения уравнения. Чем должен быть представлен физический объем товаров T ? Обычно пользуются валовым продуктом (ВВП). Но это не все товары, а только вновь созданные, за минусом промежуточного потребления (материальных затрат). Объем всех товаров — это объем выпуска плюс объем импорта. Возможны и другие варианты выражения динамики обмена. А это уже источник неопределенности.

И какие цены должны войти в уравнение в качестве параметра P ? Розничные цены конечного потребления? Или цены производителей? Или дефлятор ВВП? Опять точности нет. Количество денег M также может быть выражено разными агрегатами. Соответственно может быть несколько вариантов вычисления количества оборотов денег V .

Но самое главное, что показатель скорости оборота V не является независимой переменной, а вычисляется как функция других членов уравнения: $V = TP/M$.

Все несоответствия в колебаниях членов уравнения “выдавливаются” в колебания зависимого от них V . Поэтому уравнение всегда формально сбалансировано несмотря на несуразности в соот-

ношениях сомножителей. Как правило, резко скачет значение V , хотя классики, в частности основоположник уравнения И. Фишер, указывали, что V должно изменяться медленно.

В общем, уравнение обмена в традиционном применении не доказывает, как именно изменяются цены (P) в зависимости от объема товаров и количества денег. Как признавал И. Фишер, параметры уравнения и цены могут изменяться под действием “посторонних” факторов. Хотя общая экономическая логика в идее уравнения есть, но его буквальное использование в расчетах не может дать осмысленных результатов. Для практического использования уравнения обмена необходимо уточнить методику расчета входящих параметров и модернизировать форму уравнения так, чтобы либо избавиться от показателя скорости оборота, либо вводить его как независимую переменную. Например, более корректна такая форма: $\Delta P = \Delta TM/M'$, где M' — расчетное количество денег, объективно необходимое для обслуживания прогнозируемого объема производства. Скорость V , если и включается в расчет M' , то как независимый показатель, определяемый по средней периодичности возврата купюр в банки для наличных денег и средней длительности хранения остатков для безналичных. Нужный объем денег тогда можно определять по уравнению платежей, как это делалось в плановой системе.

Догмы от монетаризма, в конечном счете, утверждают, что инфляцию провоцируют дополнительные деньги. Но в действительности если они проходят через сферу производства, то могут спо-

способствовать увеличению объема товаров, не обязательно при повышении цены. Все зависит от конкретных условий, специфика которых отнюдь не всегда отражается в абстрактной модели.

Безусловно, увеличение количества (массы) денег может провоцировать инфляцию, если, например, часть кредитов обращается в спекулятивной сфере, в то время как производство останавливается из-за их отсутствия. Но в этом случае источником роста цен являются не столько излишние темпы денежной эмиссии, сколько недостатки регулирования денежных потоков. В 2001 г. в Украине денежная масса увеличивалась очень быстро (+ 43 %), а темп инфляции снизился (6 %). Повышение цен зависит от ряда причин, среди которых денежное предложение — отнюдь не единственный фактор.

В Украине, а также в России под давлением монетаристской догматики многое делалось вопреки логике экономических процессов. Разруха в головах породила разруху в экономике и жизни миллионов людей. Это привело к полному краху так называемой теории. Облегчение в экономике наступило после финансового кризиса 1998 г. Произошла резкая девальвация (снижение курса) рубля и гривны. Банки потеряли часть своих капиталов: они обесценились (какое горе!). Но зато подорожали импортные товары (это полезно!), подешевели на внешних рынках наши товары (это выгодно!). В результате в 1999 г. импорт резко сократился, а экспорт увеличился. Для отечественных производителей повысились возможности сбыта и на внутреннем, и на внешних рынках. Увеличился приток денег в экономику (монетизация увеличилась с 15 % в 1998 г. до 18,5 % в 2000 г.). И производство начало оживать. Рост производства начался вопреки стараниям правительства и Национального банка Украины (НБУ) именно потому, что невольно оказались нарушены заповеди ложно понятой модели монетаризма: снизился курс национальной валюты, был заторможен импорт и увеличилось количество денег в обращении.

Кризис 1998 г. стал ярким примером ошибочности монетаристских рецептов. Его принято списывать на счет российского кризиса. Конечно, внешний толчок был. Но причины краха были внутренние: обрушение долговых пирамид. До 1995 г. бюджетный дефицит финансировался за счет кредитов НБУ, т. е. денежной эмиссии. Поскольку монетаристы видят причину инфляции почти исключительно в денежной эмиссии, этот метод критиковался и был заменен финансированием за счет внутренних и внешних займов. Начали выпускать

облигации внутреннего займа, выпрашивать внешние. Все займы носили краткосрочный характер, не вкладывались в развитие, а шли только на текущее финансирование. При этом резко увеличились расходы на обслуживание. Расходы по возврату и обслуживанию долгов достигли 75 % всех доходов бюджета. Дошло до того, что ко второй половине 1998 г. долги нечем стало отдавать. Требовались отсрочки. По сути, надвинулся дефолт. Спекулятивные капиталы “побежали”, прихватив с собой огромные прибыли за счет бюджета. Курс гривны рухнул несмотря на лихорадочные интервенции НБУ (которые, по мнению специалистов, обогатили “приближенных”, но это уже криминальный аспект). В результате кризиса резервы НБУ уменьшились с 3,2 млрд дол. до 760 млн дол.; был нанесен удар по активам банков и предприятий. В итоге НБУ стал выкупать у Министерства финансов облигации, за счет чего финансировались расходы бюджета. Но это тот же кредит НБУ и эмиссия! Накопленный инфляционный потенциал (с учетом роста кредиторской задолженности) в 1997 г. составлял 390 %, 1998 г. — 364 %, а в 1999 г. — 430 %. Так ради чего был изменен механизм кредитования бюджетного дефицита?

Отметим, что многие страны преодолевали кризис, когда начинали действовать в соответствии с реальной ситуацией и вопреки примитивному прочтению неоклассической модели. Примером может служить послевоенная Япония. Нарушив все монетаристские табу, ее центральный банк организовал консолидированный кредит и спас от гибели концерн “Мицубиси”. С началом Корейской войны американцы прекратили навязывать монетаристский режим, и японская экономика начала развиваться.

Польша, которую постоянно ставят нам в пример, оказалась к 1989 г. в тяжелейшем положении. Только сбросив правительство “реформаторов” и отказавшись выполнять ряд требований Мирового валютного фонда — МВФ (в связи с чем было даже на время прекращено сотрудничество), Польша стала выходить из кризиса. Но и в настоящее время ее торговый дефицит составляет 15–18 млрд дол. и долгосрочный внешний долг приближается к 50 млрд дол. Она продолжает получать кредиты под льготные проценты; тяжелая и угольная отрасли промышленности в упадке, крестьянам грозит разорение. В целях предотвращения краха выделяются ежегодные дотации в 1 млрд дол.; при вступлении в ЕС аграрный сектор Польши должен будет получать 7–8 млн дол. дотаций (в том числе 75 % из Европейского бюджета). Польшу откровенно покупают, ее видимое

благополучие никакого отношения к успехам реформ не имеет.

В 1994–1995 гг. разорилась Мексика, пойдя по подсказке США и МВФ на ошибочную финансовую стратегию, которая привела к спаду экономики, массовой безработице и огромным долгам.

В настоящее время самый феерический провал примитивного прочтения монетаризма демонстрирует Аргентина. Для преодоления инфляции и кризиса ее правительство пошло на радикальную меру для стабилизации национальной валюты, жестко привязав ее обменный курс к доллару. Этот метод в 1985–1987 гг. был опробован в Боливии и завершился обнищанием и системным развитием паркоботорговли. Пропагандировалась привязка к доллару в России и Украине. Президент Украины Л. Кучма в выступлении перед Верховной Радой Украины в 1994 г. предполагал возможность такого обеспечения стабильности гривни.

Чем опасен этот на первый взгляд простой и надежный метод? (Опять характерная для монетаризма подкупающая дилетантов простота!) Реальная ценность валюты определяется производительностью экономики, а не схемами привязки. Привязав курс денежной единицы к доллару (или к другой базовой валюте), правительство (включая Национальный банк) не может увеличить количество денег ни на копейку больше наличного валютного запаса. Любое увеличение денежной массы должно подкрепляться доходами от экспорта или займами. Если доходов от экспорта мало и они перекрываются расходами на импорт, то остаются только займы. Но займы отдавать нечем, так как неоправданно высокий курс (песо или гривни) подавляет экспорт и стимулирует импорт, товары становятся неконкурентоспособными, что приводит к упадку производства и массовой безработице (в Аргентине или в Украине). Так, Аргентина неумолимо шла к финансовой катастрофе. В этих условиях песо начали дешеветь — а это инфляция! Все кинулись менять песо на доллары. Но долларов нет! Чтобы притормозить ажиотажный обмен, правительство ограничило выдачу вкладов. Все это вместе вызвало взрыв негодования. Толпы народа с антиправительственными призывами стали громить магазины, правительственные учреждения, здание парламента. Вынуждены были уйти в отставку два правительства подряд и четыре президента! Пятый президент объявил о прекращении выплат по внешним долгам (а их 141 млрд дол.), признал ошибочность привязки песо к доллару и необходимость девальвации (снижения курса) песо. В результате страна расплачивается за обожествление твердости валю-

ты, за засилье импорта и иностранной валюты, “неолиберальную открытость экономики”. Аналогичный сценарий развивался и в Украине. Но у нас не было такой жесткой привязки гривни к доллару, да и не успели набрать столько долгов. Поэтому кризис был не таким глубоким.

Экстремисты от монетаризма уверяют малограмотных в экономике политиков (в том числе президентов), что только их рекомендации позволяют справиться с инфляцией. Приведенные примеры Украины, России и Аргентины опровергают это. Но посмотрите на глобальную динамику цен (рис. 2)! После Второй мировой войны цены в промышленно развитых странах растут гиперболически. Где же рекламируемые результаты?! Из рис. 2 наглядно видно: правительства и народы многих стран мира монетаристской риторикой просто обманывают.

Любая теория, не способная быть адаптирована к практическим условиям, остается не более чем кабинетной спекуляцией. Однако при агрессивной пропаганде она превращается в антинаучную догму. В случае с монетаризмом в общем-то безобидную идею низвели до политического орудия, с помощью которого в эгоистических целях разоряют, подавляют и обрекают на полуколониальную зависимость десятки стран. Что и происходит, в частности, с Украиной и Россией. Отечественные (как и российские) темные реформаторы, на-

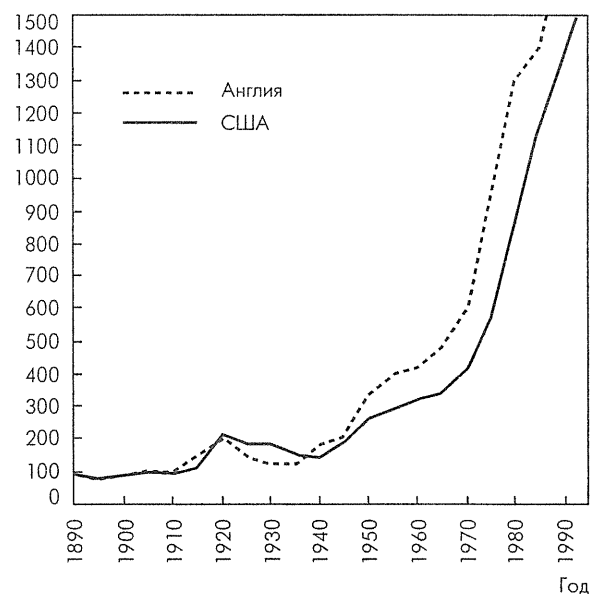

Рис. 2. Динамика цен в Англии и США в XIX–XX вв.

Индексы рассчитаны по пятилетнему интервалу. В качестве базы (100 %) использованы индексы оптовых цен Англии 1913 г. и США 1910–1914 гг. [1, 13–14]

улькиваемые международными “консультантами”, не ведали, что творят.

Вспомним уверения Ельцина и Гайдара в том, что цены повысятся на полгода, а затем снизятся, игру Явлинского в “500 дней”, в которую увлеченно играл Горбачев, уверения Кравчука, что будем торговать “хлібом та олією” и жить безбедно и т. д. На самом деле по странам прокатился погром, соизмеримый с войной. Так, цены возросли в 317 тысяч раз (!), объемы производства снизились в 2 раза, реальная средняя заработная плата — в 4 раза и в настоящее время ниже прожиточного минимума в два раза; доходы более 80 % населения ниже прожиточного минимума; безработица с учетом неполной занятости — не менее 20 %; умирающие города и поселки; разворованные мертвые заводы по всей стране; нищенское здравоохранение и образование для небогатых, туберкулез, беспризорность и преступность; 20 % детей школьного возраста не учатся из-за бедности. Согласно классификации Мирового Банка Украина из государств со средним достатком (в 90-е годы XX в.) перешла в разряд бедных. По самому оптимистическому сценарию уровня доходов на душу населения 1990 г. Украина достигнет не ранее чем через 20 лет. Так можно ли утверждать, как это делают некоторые — В. Ющенко и В. Лисицкий, что монетаризм “проникнут заботой о законопослушном человеке”, а все беды от нерадивых хозяйственников?!

Вырваться из кабалы и нищеты можно, только отбросив монетаристскую догматику и проводя независимую политику. По моему мнению, после ухода В. Ющенко из Национального банка денежная политика в Украине стала более гибкой, что пока поддерживает оживление.

Не перестает тревожить догматическая забота об укреплении гривни. С призывами к политике укрепления неоднократно выступал проф. А. Гальчинский. А председатель НБУ разъясняет неразумным промышленникам, что рост курса гривни не сказывается на сокращении экспорта. Дей-

ствительно, не сказывается, потому что у предприятий нет альтернативных возможностей сбыта. Они вынуждены продавать на экспорт чуть ли не в убыток из-за отсутствия должного внутреннего рынка. Удорожание гривни “бьет” по финансам экспортеров, а через них по всей финансовой системе Украины. И нужно учитывать, что сегодняшнее оживление, самонадеянно именуемое ростом, пока что держится на слабеющей ниточке экспортных доходов, которые необходимо оберегать. Школьные экскурсии о пользе растущей национальной валюты в этих обстоятельствах неуместны, хотя в принципе правильны. Неумение чувствовать степень приложимости теории к конкретным обстоятельствам и есть догматизм.

Сейчас на Украину надвигается еще одна угроза: подстегивается вступление страны во Всемирную торговую организацию (ВТО). Это будет означать распаивание товарных рынков. Если это “мероприятие” будет проведено так же безответственно, как и либеральная монетарная политика, без подготовки, без выработки и согласования с ВТО защитных механизмов, без организационного усиления выгодных сторон, то Украину снова ожидает беда. Пока что чиновники согласовывают с участниками ВТО условия, о которых производители не знают, возможные выгоды и негативные последствия не просчитываются и не обобщаются. Как бы не пришлось снова сожалеть о допущенных ошибках, слишком уж дорого они обходятся стране.

Литература

1. Коган А. М. Деньги, цена и теория трудовой стоимости. — М.: Финансы и статистика.
2. Короблин С. Инфляция // Зеркало недели. — 2002. — № 9.
3. Найдьонов В. С., Сменковский А. Ю. Инфляция та монетаризм. — К.: Вид-во УАДУ, 2002.
4. Сэйвинг Томас Р. Инфляция: причины и способы противодействия. — К., 1991.